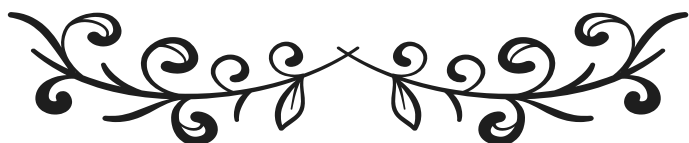

ИРИНА
ДЮЖИНА

ПОЛЮЖИТЕСЬ
НА МЕНЯ, МАДАМ!

RUGRAM

УДК 82-311.3
ББК 84(2Рос-Рус)
Д95

Дюжина, И.

Д95 Положитесь на меня, мадам! / И. Дюжина, — М.:/ RUGRAM,
2025. — 264 с. — (Легенда о вихрях).

1764й, барон Фридрих фон дер Тренк покинул стены Магдебургской тюрьмы (сбежал, а не выкуплен, и не верьте его мемуарам!). Ему надо спасти попавшего в беду друга и разобраться с сердечными делами, но это решаемо.

Главное: он на свободе — теперь держитесь!).

«Честь? Долг? Мы ни у кого не занимали!»

«Наши дамы настолько суровы, что на Пасху красят боевые гранаты.»

«На входе у меня забрали шпагу. На выходе вернули две.»

И самое главное:

«Чем комедия отличается от трагедии? Углом зрения, только и всего».

BIC FJ
BISAC FIC002000

ISBN 978-5-517-13207-9

© Ирина Дюжина, текст, 2025
© Елена Фроленкова,
художественное оформление, 2025
© RUGRAM, оформление, 2025

ПРОЛОГ

К чему снятся такие сны?

«К весне, — говорили фрейлины. — Весна совсем скоро, время любить и радоваться жизни». Скоро, совсем скоро, не дожидаясь окончательного наступления тепла, над полями с криками закружат чибисы, заранее разбившись на влюбленные парочки. В городе — что на территории дворца, что в самых глухих трущобах, — выгнув пушистые хвосты кверху, замурлычут о страстной любви и продолжении рода разномастные кошачьи дамы, а их храбрые кавалеры начнут сезон громких ночных дуэлей, сопровождаемых травмами и изощренной руганью. Потом расцветут деревья, и в благоуханных зарослях запоют птицы, самый невзрачный из которых — соловей — вновь покорит сердца не красотой и удалью, но голосом, в который влюбляются даже пышные розы, даже роса на листьях, рассветное солнце и радуга после дождя... К весне снится любовь, весна снится к любви.

Она проснулась с бешено колотящимся сердцем, все еще пребывая в иллюзии присутствия — его присутствия в ее постели и текущей жизни. Он был настолько реален в этом сне... Обнимал, произносил невероятные головокружительные речи, прикасался к совершенно неожиданным ее частям, покоряя каждым движением. Ее — любимую сестру короля, он — захудалый дворянин, авантюрист с сомнительным родством. Тот, кто все эти годы был ее соловьем, что сладко говорит о любви, ее бойцовым котом, что затевает ради нее драки, ее весенним ветром, чьи ласки теплы и благоуханны... Ее ласковым дождем, что проливается молоком и медом, столпом ее мира — о да, тем самым столпом, погрузив который в центр своего естества, она чувствовала себя женой, облаченной в солнце, что оседлала дракона... Он был ее мужчиной. Он был отнят у нее судьбой.

В следующий миг сердце затопил привычный холод. Он в тюрьме? Что ж, и не такие засовы падали перед ними. Он — шпион? Когда-то судьба заговорщика казалась ей исполненной доблести, правильной и даже привлекательной, но потом...

«Он — предатель, — услужливо подсказал ее разум, холодный рассудок повзрослевшей и многое повидавшей женщины. — Я, принцесса, была орудием в руках предателя. В орудия не влюбляются — их используют по назначению»...

Но сон, ее сон о грядущей весне, об утраченном Эдеме, в котором они были единым духом и плотью, — неужели он был об этом? В раю не знают ни власти, ни заговоров, ни чести, ни бесчестия; в раю пьют нектар с любимых уст, проводят пальцами по теплому живому бархату кожи и помнят тысячу рифм к слову «блаженство»...

В следующий миг пришло осознание: он бежал! Каким бы ни был — честным, бесчестным, черным или белым, сильным или жалким, любящим или презирающим ее, — он свободен! Придет ли он к ней, — другой вопрос, но... Свободен, он свободен!

Принцесса-аббатиса преклонила колени и подняла к небу заплаканные глаза. «И отпустили тебя с миром; теперь благословен ты Господом^{*}, — прошептала она, отчаянно вырывая слова из контекста. — Будь благословен, любимый».

* Быт 26:29

ГЛАВА 1. БЕГЛЕЦ

*В которой барон Фридрих фон дер Тренк сбежал из
Магдебургской тюрьмы, не дожидаясь своего освобождения.*

Вопреки ожиданиям, воздух свободы не пьянил ничуть, — зато охлаждал весьма ощутимо. Нет, в тюрьме вовсе не было тепло и уютно, но в его одиночной камере, весьма строго охраняемой по причине многочисленных попыток к побегу, хотя бы была постоянная температура. Не было резкого морозного ветра, грозящего вытянуть из сердца остатки радости вместе с остатками тепла. Впрочем, яркая лазурь неба, красноватая черепица городских крыш, которые виднелись поодаль, крупчатый снег, что потихоньку сдавался солнечным лучам... Эти приметы полноценной жизни всем своим видом словно пытались доказать бывшему узнику, что свобода гораздо лучше неволи, деятельная жизнь ценнее покоя, а то легкое уныние, в котором он боялся признаться сам себе, — просто следствие привычки к замкнутым помещениям, выработавшейся за годы заточения.

Шутка ли, — на сей раз он провел в тюрьме целых девять лет. Девять из прожитых тридцати семи, а если добавить к ним два года заключения в крепости Глац, — то можно сказать, что он пробыл в застенках почти треть жизни... Вряд ли следовало утверждать, что годы, прожитые в неволе, попросту вычеркнуты: мудрые люди говорили, что всякий опыт, который не убивает, является ценным. Да, весьма своеобразный опыт, но какой уж есть. Планирование и организация побегов (сколько всего было попыток? Он устал считать, но не менее двадцати, две из которых вышли весьма удачными и еще четыре сорвались буквально в шаге от цели). Привычка договариваться, подкупать, шантажировать, — причем проделывать это с теми людьми, от которых зависит твоя жизнь и которые в случае чего могут прихлопнуть тебя одним ударом или росчерком пера. Навык довольствоваться малым, выживать в условиях,

не предназначенных для выживания, в сотый раз начинать все с нуля, терпеть, трудиться, делать что-то из ничего. В любом случае, — есть, что вспомнить, даже написать мемуары... А это, кстати, неплохая идея!

— С дороги! — верзила в неприметной одежде весьма неучтиво оттолкнул его на обочину.

Похоже, воздух свободы все же успел опьянить недавнего узника: он задумался совершенно непростительным образом, на минуту утратив бдительность.

— Карета Его высочества господина губернатора, — продолжил верзила, подталкивая его в нужном направлении. — Сделай так, чтоб тебя не было видно!

«С удовольствием, — подумал беглец. — Очевидно, Его высочество как раз следует в крепость, где его ожидает небольшой сюрприз».

Надо думать, верзила относился к «первой линии охраны» — тем, кто перед выездом важных персон идет чуть впереди и проверяет обстановку, обеспечивая первичную безопасность. Не у всех сильных мира сего таковые состояли на службе, — только у самых умных: да, негласной охране тоже надо было платить, но обычно у этих господ, в отличие от гвардейцев в парадных мундирах, имелся в наличии наметанный глаз и тренированный ум. Памятуя об этом, бывший узник постарался прикинуться идиотом: скинул шляпу, поклонился, что-то заговорил извинительным тоном, не особо вникая в смысл произнесенного, — как всякий хороший шпион, он был неплохим актером и держал в ближней памяти пару-тройку таких вот нейтральных речей на все случаи жизни... В своей маскировке беглец был вполне уверен: выглядел он сейчас совсем как простой горожанин. Куртку и простецкую шляпу пришлось позаимствовать в одной из лавок, а башмаки, по случаю купленные у одного из надзирателей взамен развалившихся, и так были старыми.

— Шевелись, придурок! — ощутимый толчок в плечо почти поверг бегльца наземь, да не где попало, а вблизи струящейся чуть поодаль сточной канавы, которая и в мороз не замерзала. — Ходят тут всякие, свиное отродье, мать их через колоду...

Видимо, что-то в нем все-таки не понравилось верзиле: не то взгляд без тени угодливости (с нею, по глубокому убеждению

бывшего узника, надо было родиться), не то идеальная осанка офицера и дворянина — не чета покорно-расхлябанной сутулости приличных обывателей... Но вот матушку его, почтенную Марию-Шарлотту, урожденную фон Дершау, дочь председателя суда, вдову штабс-капитана и мать шестерых детей, которая всю дорогу выручала умного, но непутевого старшего сына то советом, то денежкой... Ее поминать, определенно, не стоило! Тем более, что о покойниках принято или хорошо, или ничего, а несчастная дама уж девять лет как скончалась. Именно поездка в Данциг на ее похороны (которая была еще и предлогом для других поручений) привела его прямо в руки агентов прусского короля, а затем и в обитель с толстыми дверями в отдельном форте Магдебургской крепости.

— А кошелек-то мой... — растерянно, но громко произнес беглец, подымаясь на ноги. — Кошелек-то мой, сударь! Поостерегитесь, люди добрые! — это он говорил уже прохожим, которые, повинувшись словам верзилы, послушно отходили с пути: надо — значит надо, с нас не убудет.

Сходу войдя в роль, бывший узник хлопал себя по одежде, шарил по присыпанной тонким слоем снега обочине. Конечно, без толку, — ведь никакого кошелька и не было, зато какой-то крепкий мастеровой, что шел мимо с друзьями, обернулся и сжал кулаки.

— Слышь, ты! — дюжий ремесленник, судя по одежде, кузнец либо кожевенник, шагнул к верзиле-охраннику, толкая его в плечо; прочая компания выстроилась вокруг...

Беглец не стал дожидаться окончания спектакля, — тем более, что с дальнего конца улицы послышался топот кавалькады, шум колес быстро несущегося экипажа, выкрик «Поберегись!». Перебежав улицу, он бросился в переулок между домами, в конце свернул в другой... Пусть верзилу обыщут, а то и самого столкнут в сточную канаву, — поделом, заслужил; но ему, бывшему узнику, точно незначем пересекаться с губернатором и комендантом крепости.

Мало ли, вдруг у Его высочества хорошая память на лица?

* * *

В конце третьего переулка, беглец сбавил шаг, как мог выравнивал дыхание и пошел дальше: его, определенно, не

запомнили, а тратить время на поимку каждого встречного нахала никто не станет. Бегать он явно отвык, — в боку немилосердно колело, — так что пришлось на минуту остановиться, а остановившись, — невольно залюбовался. Дымки, совсем вертикальные по случаю полного безветрия, поднимались над крышами, редкие снежинки лениво кружили в воздухе, переливаясь на солнце тончайшими резными гранями, из ближайшей харчевни доносились вкусные запахи и нестройный гомон... В этот момент бывший узник особенно остро понял, насколько хочет жить и как счастлив вернуться к этому миру — яркому, прозрачному и вкусному. Живому миру.

После стычки с охранником его малость отпустило: все вокруг перестало казаться иллюзией, рисунком на холсте. Он был жив вопреки всему, а ведь тогда, девять лет тому, был уверен, что условия заточения прикончат его в считанные месяцы. Все было направлено на то, чтобы быстро и мучительно уморить заключенного: холодная сырая камера, кусок плесневелого хлеба раз в день, тяжелые кандалы и совершенно неподъемные цепи, что превращали любое движение в пытку, заранее подготовленная надгробная плита с его именем, к которой он был прикован и на которой был вынужден и сидеть, и спать.

«Это научит вас смирению, — с приятной улыбкой говорил ему тогда комендант крепости, Его высочество герцог Фердинанд Брауншвейгский, старший шурин самого короля. — Вы всю жизнь выходили сухим из воды, но на сей раз это вряд ли возможно».

Потом, видимо, король решил, что его не устраивает столь быстрая смерть того, кому он, наделенный неограниченной властью, пытался мстить, — и повелел сделать режим его содержания под стражей более мягким. Нет, оковы и могильная плита никуда не делись, но в один прекрасный день принесли простую деревянную кровать с соломенным тюфяком, камеру начали хотя бы отапливать (снаружи, увы и ах), и еды давали вдоволь.

Надо думать, все это не было продиктовано милосердием: наверняка о смягчении мук несчастного узника короля попросили. Логично было предположить, что просительницей была Амалия, и тогда сердце начинало просто стонать от жалости и обиды за нее. Каково было ей, гордой и непокорной, унижаться перед их врагом и тираном? Плакать (на его памяти она почти никогда не плакала — разве что от радости новой встречи),

возможно — стоять на коленях? Обещать Его величеству все, что он пожелает: никогда не видеться с любимым, предать его имя забвению, выйти замуж за того, на кого укажет король... Хотя нет, сан аббатисы* просто так не снимешь.

Так или иначе, но последствия проявленного милосердия не заставили себя долго ждать: узник, изрядно отощавший за время вынужденной голодовки, но прибавивший сил с ее прекращением, смог с великим усилием (и чудом не сломав пястные кости) вынуть правую руку из кольца кандалов. Дальнейшее было делом терпения и удачи: заклепку на втором кольце, более узком, он за несколько часов спилил обломком кирпича, потом проделал то же самое с ножными кандалами... Словом, главное было для вида якобы заклепать их обратно и надевать все это добро к обходу надзирателей, который, согласно идеально заведенному прусскому порядку, совершался строго в определенные часы.

Помимо трюков с кандалами, в эти долгие годы заключенный занимался многим. Подкупал и располагал к себе стражей. Писал письма, получал с воли деньги и инструменты. Делал один подкоп, потом другой. Гвоздем гравировал эмблемы и стихи на оловянных кубках... Офицеры тюремного гарнизона, которые за неплохие деньги сбывали кубки в городе, были уверены, что он работает, не снимая тяжелых цепей, а потому позволили ему жечь по ночам свечи. Разумеется, ночами он занимался отнюдь не гравировкой, а очередным подкопом.

Что ж, нынче все должны удивиться, обнаружив его отсутствие, подземный ход и последний расписной кубок — на память!

Барон Фридрих фон дер Тренк, бывший узник Магдебургской крепости, возлюбленный принцессы Амалии Прусской и личный враг короля Фридриха, поправил шляпу и бодро зашагал по направлению к почтовой станции. Пока его хватятся, — он будет далеко.

*принцесса Анна-Амалия Прусская, младшая сестра короля Пруссии Фридриха Великого, возлюбленная барона Фридриха фон дер Тренка, приняла сан настоятельницы Кведлинбургского аббатства, но в монастыре практически не появлялась.

ГЛАВА 2. ВОЛК И КРОТ

В которой король негодует, а барон вспоминает.

Разумеется, на станции было плохо со всем, с чем могло быть плохо: лошади только для срочных курьеров, почтовая карета ушла час тому, а несколько частных перевозчиков выглядели почище разбойников с большой дороги. Начальник станции смотрел на Тренка, «обычного небогатого горожанина» без подорожной, как на мелкое досадное недоразумение — вроде мухи, упавшей в похлебку.

Впрочем, умение договориться с кем угодно и о чем угодно не подвело и на сей раз, и вскоре беглец, напросившись попутчиком, сел в экипаж к новому приятелю, который путешествовал по своим торговым делам вместе с молодой супругой. Сам Тренк ехал в Дрезден якобы «по делам наследства», — предлог вполне достаточный, чтобы ему не задавали лишних вопросов. Когда лошадей запрягли, и карета, наконец, выехала со станционного двора, бывший узник Магдебургской крепости откинулся на спинку сидения и с облегчением закрыл глаза. Свободен. Дальше — Дрезден, разыскать связного, а там просмотрим.

Жена приятеля-негоцианта смотрела на него с интересом, — и, Господи, как же она была похожа на Амалию! Таковую, какой он помнил ее десять лет назад. Впрочем, наверно, для него сейчас все женщины были похожи на нее.

«Я напишу ей, как только доберусь до бумаги и чернил, — пообещал себе Тренк. — Найду способ тайно переслать письмо: думаю, связи Ордена при Берлинском дворе никуда не делись и после войны. Но для начала... Надо хотя бы узнать, что делается в мире, и где сейчас мои друзья: возможно, где-то неподалеку. Хотя бы Альберт... Ох, я надеюсь, он и его прелестная супруга пережили эту войну».

